

А. Богданов

СУВОРОВ

ПОБЕДИТЕЛЬ ЕВРОПЫ

Великие исторические персоны

Андрей Богданов

Суворов. Победитель Европы

«ВЕЧЕ»

2013

УДК 929
ББК 63.3

Богданов А. П.

Суворов. Победитель Европы / А. П. Богданов — «ВЕЧЕ»,
2013 — (Великие исторические персоны)

ISBN 978-5-4444-0602-1

В этой книге впервые рассказывается правда о формировании военной мысли и источниках побед лучшего полководца России и Европы. Личность Суворова кажется хрестоматийной, деяния его общеизвестны, все его документы и письма опубликованы. Автор этой книги, крупный российский историк, одним из первых их внимательно изучил и рассказал читателю — вместо множества легенд и баек о великом полководце — как сам Александр Васильевич Суворов понимал войну и армию, задачу и личность солдата. Суворов окажется остроумным мыслителем и глубоким философом, каким вы его не знали. А те, кто считает себя знатоками военного дела, просто не хотят знать. Ведь мысли, взгляды и дела полководца XVIII века всем им — живой укор. Не имея соперников среди людей, он бросил вызов самой войне. И этот бой его мысль ведёт до сих пор.

УДК 929
ББК 63.3

ISBN 978-5-4444-0602-1

© Богданов А. П., 2013
© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Введение	5
Глава 1	12
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Андрей Петрович Богданов Суворов Победитель Европы

Введение Непобедимый полководец

«Победитель Европы» – не слишком ли сильно сказано о человеке, который большую часть побед одержал над турками, и то благодаря необычайной силе духа и особой, русской доблести своих солдат? Разве суворовская армия «чудо-богатырей» не была исключительно национальным явлением? И разве Суворов Европу победил? Мог ли он вообще победить армии Запада, среди которых в то время ярко выделилась армия революционной Франции?

Нет, дорогой читатель, заглавие этой книге дано справедливо. «Победитель Европы» сказано о Суворове вовсе не слишком сильно, во всех смыслах. Нам нет резона прикрываться фактом, что все его войны велись на территории Европейского континента. Европа уже в XVIII в. была чётко очерченной культурно-экономической и военной общностью, в которой лидирующее положение принадлежало Западу. Ни Османская империя, ни Крым, ни Кавказ, ни Дунайские княжества в эту общность не входили. В войнах против турок-осман и их союзников Суворов вёл в бой европейские войска, превосходившие противника силой Запада, обрушившейся на Восток.

Непобедимый полководец сам был европейцем по культуре. Военная наука, которую он создал, сознательно формировалась им на основе европейских достижений в области вооружений, организации и тактики войск. Именно в сражениях против пруссаков и поляков родилась его новаторская тактика и революционная стратегия, рассчитанная на скорейшее завершение войны путём лишения неприятеля средств продолжать боевые действия. И именно в войне против революционной Франции достижения Суворова были сурово проверены – путём разгрома её лучших армий и полководцев.

Поражения избежал только Наполеон. «Бог в наказание за мои грехи, – сетовал в Итальянском походе Суворов, – послал Бонапарта в Египет, чтобы не дать мне славы победить его». Наполеон, как известно, бросил свою армию в Египте и устремился в Париж, получив письмо Талейрана: «Суворов каждый день торжествует новую победу; покоритель Измаила и Варшавы, впереди которого идет фантастическая слава, ведет себя, как проказник, говорит, как мудрец, дерётся, как лев, и поклялся положить оружие только в Париже... Франция гибнет, не теряйте времени». Нет сомнений, что и генерал Бонапарт, попытавшись остановить тщательно продуманный Суворовым марш из Северной Италии на Париж, был бы разгромлен, подобно генералам Макдональду, Жуберу и Моро.

Даже военный гений Наполеона был не в силах изменить ситуацию, созданную бездарной политикой прогнившей Директории, заправлявшей делами Франции. К этому моменту в Лондоне, Вене и самом Париже прекрасно понимали, что у суворовских войск нет противника, способного не то что остановить, но даже задержать их наступление на столицу Франции. Понимал это и Наполеон, который, едва опасность для Парижа миновала, сверг Директорию и принялся создавать для Франции новую, Великую армию. Суворова остановило и отправило в Альпы прямое и неприкрытое предательство союзников России: Англии и Австрийской империи.

Полководец был поставлен в самое невыгодное положение. Он был окружён в горах многократно превосходящими силами неприятеля, линии его снабжения были перерезаны, войска

не имели боеприпасов, продовольствия и даже сапог. Ему противостоял, во главе опытных и победоносных войск, едва ли не лучший революционный генерал Массена, под началом которого были прекрасные генералы Мортье, Сульт, Лекурб и Молитор (будущие маршалы и пэры Франции).

«Теперь идти нам вперед... невозможно, – говорил сам Суворов, по рассказу его лучшего ученика Багратиона. – У Массена свыше шестидесяти тысяч, а у нас нет и полных двадцати. Идти назад – стыд!.. Русские и я никогда не отступали! Мы окружены горами. У нас осталось мало сухарей на пищу, а менее того боевых артиллерийских снарядов и патронов. Перед нами враг сильный, возгордившийся победой... Победой, устроенной коварной изменой!.. Нет, это уже не измена, а явное предательство, чистое, без глупостей, разумное, рассчитанное предательство русских, столько крови своей проливших за спасение Австрии. Помощи теперь нам ждать не от кого. Одна надежда на Бога, другая – на величайшую храбрость и высочайшее самоотвержение войск, вами предводимых... Мы на краю пропасти... Но мы русские! Спасите, спасите честь и достояние России и ее самодержца!»

У Суворова оставался один резерв – нравственное превосходство его солдат, которое он с войны против Фридриха Великого тщательно воспитывал. Это была вовсе не отчаянная храбрость и презрение к смерти. «Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, – убеждал Суворов, – только тщетны они, если не будут истекать от искусства». Суть военного искусства состояла в том, что Суворов первым и наиболее громко признал, что солдат – человек, сознательно, благодаря воспитанию, побеждающий вначале противника в себе, а затем и врага на поле боя.

Этой истины не только многие современники Суворова, но и историки долго осознать не могли. Даже его знаменитое, многократно повторённое изречение: «Каждый воин должен понимать свой маневр» – цитировалось упрощённо: «Каждый солдат должен знать свой манёвр». «Знать» и «понимать» – колоссальная разница! Армия Суворова, до последнего солдата, способна была принимать сознательные решения. На каждого своего офицера и унтер-офицера, ещё со времён первой польской кампании, полководец мог положиться как на самого себя, потому, что те могли положиться на солдат. Такого упора на личность и нравственные качества солдата ни в одной европейской армии ещё не было. «Без добродетели нет ни славы, ни чести», – твердил Суворов, имея в виду, что без добродетели нет самой победы.

В 1799 г. в Альпах созданная и одухотворённая Великой революцией армия окружила попавших в западню суворовских солдат. Никогда впоследствии французские войска, которые многократно умножит, прекрасно вооружит и обучит Первый консул, а затем император Бонапарт, не будут пылать столь возвышенными чувствами и столь искренне верить в свою мировую миссию. Наполеон разгромит всю Европу имперской, откровенно грабительской армией. В Россию он приведёт, по словам Багратиона, «не иное что, как сволочь со всего света», которую он не сможет противопоставить духу солдат, защищающих Отечество. В этой, как говорил Суворов, «внутренней человечности» и будет состоять различие русских войск с армией «двунадесяти язык», которая почти целиком останется лежать под снегами России.

При равенстве вооружений, тактики и стратегии, даже сходстве военной формы, Наполеон, случись сразиться против Суворова, не мог победить. Он сам это, хоть и не желая, признавал, отзываясь о русском полководце злобно-завистливо. Признавая силу его воли и характера, Наполеон отказывал Суворову в военном таланте и причислению к великим полководцам. Гуманнейшего из современных ему военачальников он, не понимая причины «блестящих успехов» русских, именовал кровожадным «варваром». Такое отношение ясно выдаёт замешательство Наполеона и его страх перед сравнением с Суворовым. Александр Васильевич, напротив, высказывался о Бонапарте в высшей мере уважительно, как того заслуживал молодой генерал, гениально применивший в военном деле достижения Французской револю-

ции¹. Он ещё перед Итальянским походом тщательно изучал со своим штабом действия французов, добиваясь того, чтобы русские командиры всегда умели предугадать шаги возможного противника.

Так и случилось. В Итальянском и Швейцарском походах каждый русский генерал, офицер и солдат действовал лучше неприятеля, опережая его в военной науке. В Италии все революционные армии были биты. Суворов, усиленно занимаясь обучением русских и австрийских войск, нисколько не сомневался в своём полном превосходстве над сильным неприятелем. Битва при Адде, против мудрого Моро, была жаркой. Но Суворов не отметил возможной задержки из-за неё в планах движения на Милан. Победа малыми силами была предусмотрена. Для большей части войск, не участвовавших в сражении, вечером были проведены манёвры. А при Нови 15 тыс. русских, используя преимущества своего строя и плотного взаимодействия, взяли укрепленные в горах позиции 35–45 тыс. французов, истребив половину неприятельской армии и потеряв убитыми 353 человека.

И в Альпах превосходное по боевому духу 60-тысячное французское воинство, имевшее все стратегические и тактические преимущества, было разгромлено 20-тысячной оборванной и голодной армией Суворова. Победа была одержана суворовской школой, благодаря которой в 2-дневном сражении в Муттенской долине 7 тыс. русских одним левым флангом опрокинули и начисто разгромили 15 тыс. французов. Массена бежал, оставив в руках казаков свой эполет, храбрый генерал Ле Кур Гюйо попал в плен. Разбив все противостоящие войска, не проиграв ни одного боя, Суворов победоносно вышел из Швейцарии. «Русский штык прорвался сквозь Альпы», – записал он.

Все участники похода признавали, что лучшая армия Европы была побеждена Суворовым вовсе не благодаря обычной военной науке, в которой французы не уступали великому полководцу. А благодаря её сердцевине, сформированной Суворовым, которую остальная Европа ещё долго не сможет вычислить, а в русской армии многие забудут. Начиная с генералов штаба все солдаты Суворова приняли сознательное решение любой ценой разгромить врага. Полководец детально изложил им ситуацию и получил ответ:

«Отец наш Александр Васильевич! Мы видим теперь и знаем, что нам предстоит. Но ведь и ты знаешь нас... Все перенесем и не посраим русского оружия. А если падём, то умрем со славою. Мы русские! Клянемся в том пред всеильным Богом!» – «Надеюсь! Рад! – ответил Суворов. – Помилуй Бог, мы русские! Благодарю, спасибо! Разобьем врага! И победа над ним, и победа над коварством будет! Победа! С Богом!»

Старшим генералом, отвечавшим Суворову, был прибалтийский немец Вилим Христович Дерфельден. Нам эти речи на военном совете в Муттенской долине передал чистокровный грузин князь Пётр Иванович Багратион. Все они, пройдя школу Суворова, искренне ощущали в себе русский дух – ту высокую духовность, значение которой полководец осознал ещё в молодости, сражаясь с пруссаками и поляками. «Одна лишь сила воли русского чело-

---

¹ За Суворовым были записаны такие высказывания о Наполеоне после его блестящей Итальянской кампании: «О, как шагает этот юный Бонапарт! Он герой, он чудо-богатырь, он колдун! Он побеждает и природу и людей. Он обошел Альпы, как будто их и не было вовсе. Он спрятал в карман грозные их вершины, а войско свое затаил в правом рукаве своего мундира. Казалось, что неприятель тогда только замечал его солдат, когда он их устремлял, словно Юпитер свою молнию, сея всюду страх и поражая рассеянные толпы австрийцев и пьемонтцев. О, как он шагает! Лишь только вступил на путь военачальства, как уж он разрубил Гордиев узел тактики. Не заботясь о числе, он везде нападает на неприятеля и разбивает его начисто. Ему ведома неодолимая сила натиска – более не надобно. Спротивники его будут упорствовать в вялой своей тактике, подчиненной перьям кабинетным, а у него военный совет в голове. В действиях свободен он как воздух, которым дышит. Он движет полки свои, бьется и побеждает по воле своей! Вот мое заключение: пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа, он будет победителем. Великие таланты военные достались ему в удел. Но ежели, на несчастье свое, бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, – он погибнет».

века, с любовью к Отечеству и Александру Васильевичу могла перенести всю эту пагубную напасть», – утверждал Багратион.

Лучшую армию Западной Европы разгромили не отчаянно храбрые варвары, а европейские солдаты, превосходящие противника духом. Значение победы Суворова над Европой поняли тогда все смыслящие в военном деле люди. Первый из плеяды лучших революционных полководцев, Моро, говорил: «Суворов есть один из величайших генералов. Никто лучше его не умел воодушевлять войска, никто не соединял в себе в высшей степени качеств военачальника». Такого же мнения о Суворове были талантливые французские генералы Массена и Макдональд. Массена признал, что с радостью отдал бы все свои виктории за один Швейцарский поход Суворова. На другой стороне Ла-Манша «великими и блистательными подвигами» Суворова и его духовными качествами восхищался лорд Горацио Нельсон. Лично знавший полководца национальный герой США Джон Поль Джонс ставил «величайшего воина» Суворова в ряд с Александром Македонским, Ганнибалом, Цезарем, Густавом Адольфом и Фридрихом Великим.

Джонсу принадлежит едва ли не самая глубокая среди современников характеристика Александра Васильевича: «Это был один из немногих людей, встреченных мною, который всегда казался мне сегодня интереснее, чем вчера, и о котором завтра я рассчитывал – и не напрасно – открыть для себя новые, еще более восхитительные качества. Он неожиданно храбр, безгранично великодушен, обладает сверхчеловеческим умением проникать в суть вещей под маской напускной грубоватости и чудачеств... Он не только первый генерал в России, но, пожалуй, наделен всем необходимым, чтобы считаться первым в Европе».

Русским авторам, писавшим о Суворове в ещё более возвышенных выражениях, он представлялся урождённым военным гением, чем-то вроде бронзовой статуи. Великая беда всех имеющих книги о полководце именно в том, что никто не ставил себе чёткой задачи проследить развитие его военной мысли. В самом деле – не мог же Александр Васильевич родиться со столь ясными военными взглядами или почерпнуть их в детстве из книг. Не мог – и не родился. В книге, которая лежит перед вами, мы впервые разберёмся в том, как и в каких обстоятельствах постепенно складывалась военная концепция, а затем военная философия победителя Европы.

Для этого у нас есть великолепный, абсолютно достоверный источник: рапорты, распоряжения и письма Суворова, описывающие его военные действия и, главное, ход его мысли по годам, месяцам и даже дням. В них он сам последовательно рассказывает не просто о ходе событий, а о более важном – о мотивах своих решений. Разумеется, я использую в рассказе множество других материалов, позволяющих видеть события «со стороны», в том числе с позиций противников. Но это не главное.

Самое важное свойство суворовских писем и документов в том, что через них насквозь, на протяжении десятилетий, проходит одна и та же мысль: какой урок следует извлечь офицеру и солдату из реального, тщательно анализируемого автором опыта боевых действий? Полководец всегда задавал этот вопрос себе, адресуя ответы своим современникам. Его мысли, судя по документам и результатам боёв, в XVIII в. встречали полное или частичное понимание. «Непробиваемым» оставалось лишь сознание историков, которые просто не хотели рассмотреть ход и развитие мысли Суворова так, как он вполне ясно нам изложил.

Мы с вами исправим это упущение, впервые рассмотрев развитие военной мысли Суворова с его первых шагов до величайших побед. И главным источником суворовских идей окажется Европа. Труды Цезаря, маршала Тюренна, полководцев XVIII в. Евгения Савойского и Морица Саксонского, прочитанные в детстве, приведут его на поля сражений в Пруссии и Польше. Именно тут сложится и разовьётся в стройную систему его тактика и система обучения солдат. Здесь родится его стратегия и возникнет философия военных действий, соединившая опыт европейских войн с православной русской культурой.

Многолетние турецкие войны, действия Суворова в Крыму, на Кубани, на Кавказе, в созданной им Новороссии и в Дунайских княжествах рассматривались Александром Васильевичем как частные случаи применения более широкого европейского опыта ведения войн. Именно так – вслед за Суворовым – мы и рассмотрим их, перед тем как снова вернуться в Польшу, которую полководец вновь устремился спасти. Квинтэссенцией его военной мысли стала кампания 1799 г. в Италии. А проверкой его идей на прочность – Швейцарский поход, увенчавший карьеру непобедимого полководца.

Суворов – мыслитель и даже философ: звучит необычно. Все знают его именно как человека действия. Что ж, действий в книге будет предостаточно! Но нам они интересны с той же стороны, с какой сам Суворов подходил к солдату: с точки зрения его мысли, его видения и понимания мира, развития его духа. От подчинённых полководец всегда требовал осмысленных действий – так не будем отказывать в них ему самому.

Не будет в этой книге одного – домыслов, которыми биография генералиссимуса окружена в великом изобилии. В мусорную корзину у нас вылетит огромная масса записанных и изданных в первой половине XIX в. анекдотов и «солдатских» баек о Суворове, его непонятного происхождения «изречений» (за исключением его слов, переданных верными и понимающими учениками) и море рассуждений позднейших историков.

Мне не очень понятно наполнение книг о Суворове этим мусором, если его собственные достоверные рассказы почти обо всём, что он делал, составляют очень толстый том писем и несколько таких же объёмистых томов его документов! Кроме того, признаюсь, очень трудно писать лучше, чем сам Суворов. Слово Александра Васильевича столь ёмко, мощно и талантливо, что филологи сравнивают его с пушкинским. Оно настолько сильно, что часто доходит до широкого читателя ослабленным и урезанным, до неузнаваемости искаженным.

Сравните только хрестоматийное: «глазомер, быстрота, натиск», – с подлинным изречением полководца, ставившего на первое место дух, на второе – ум, затем – дисциплину, а целью стремительного разбития неприятеля полагавшего гуманный мир:

Вот моя тактика:

отвага, мужество, проницательность, предусмотрительность, порядок, умеренность, устав, глазомер, быстрота, натиск, гуманность, умиротворение, забвение.

Слово Суворова – главный враг придуманных историками мифов о нём. Вместо туповато-прямолинейного солдафона, каковым его делает историческая легенда, перед нами предстаёт мудрый военачальник и добрейший, по обстоятельствам ироничный человек, понимающий, почему слава его побед вызывает у людей зависть, естественно выраженную в клевете. «Сегодня – счастье, завтра – счастье, помилуй Бог, надо же когда-нибудь и уменье!» Ирония Суворова сильна, но он никогда не опускается до уничижения противников, признавая сильные качества даже за придворными интриганами: «Для двора потребны три качества: смелость, гибкость и вероломство».

В этом изречении видна продуманная звукопись. Да – Александр Васильевич и силу смысла слова прекрасно понимал, и мощь звукового его выражения – не только в командах – тщательно пестовал. В достоверных цитатах голос Суворова, как и гул его побед, продолжает звучать сокрушительно, как Иерихонская труба. Время над ним не властно.

Не случайно враги полководца ещё при жизни пытались представить Александра Васильевича косноязычным чудаком, выразившимся подчёркнуто простонародно. Слова его неприятели боялись не менее чем «стремглавного меча». Великолепно зная русскую и иностранную, древнюю и новую литературу, свободно изъясняясь на нескольких европейских языках, полководец пользовался словом столь же неотразимо, как оружием.

«Господа Пулавские невинности лишились, – написано в 1769 г., – в самом деле, никогда их так не разбивали... Тут-то и пришел бы им конец... но малая часть моих войск, сплошь пехота, их спасла. Я кончил дело». Там же, в Польше, сделано признание внимания к языку и литературному стилю, обычно скрываемое: «“Сикурс” есть слово ненадежной слабости, а “резерв” – склонности к мужественному нападению; “опасность” есть слово робкое... и от меня заказанное, а на то служит “осторожность”... Сикурс, опасность и прочие вообразительные во мнениях слова служат бабам, кои боятся с печи слезть... а ленивым, роскошным и тупозрячим – для подлой обороны».

Полководец использовал слово как могучую духовную силу, как знамя русское, ведущее в бой его «чудо-богатырей». «На походе, встретясь с басурманами, их бить!.. Поспешность, терпение, строй, храбрость, сильная, дальняя погоня!» Это не поэма, а самая передовая по тактике диспозиция сражения, за которое Александр Васильевич получил титул «граф Рым-никский».

Вот не менее поэтичное письмо «Любезной Суворочке» – дочери в Смольный институт – из Кинбурнского ада: «У нас все были драки сильнее, нежели вы деретесь за волосы; а как вправду потанцевали, то я с балета вышел – в боку пушечная картечь, в левой руке от пули дырочка, да подо мною лошади мордочку отстрелили: насилу часов чрез восемь отпустили с театра». Но чтобы девочка не волновалась – пишет, будто уже оправился от ран и объезжал Днепровский лиман верхом: «Как же весело на Чёрном море, на Лимане! Везде поют лебеди, утки, кулики... Прости, мой друг Наташа; я чаю, ты знаешь, что мне моя матушка Государыня пожаловала Андреевскую ленту “За Веру и Верность”. Вот каков твой папенька за доброе сердце!»

И тут же, дабы потомки не слишком умилялись, – язвительный отзыв о военных, которые «купались в чаю, пока мы купались в крови!» Полные сарказма стихи и эпиграммы Суворова поражают точностью образов. Вот весь, как на ладони, князь Потемкин:

Одной рукой он в шахматы играет,
Другой рукою он народы покоряет,
Одной ногой разит он друга и врага,
Другою топчет он вселенны берега.

В архиве полководца целая груда «всеподданнейших» обращений к власти имущим – и тут же: «Вы знаете меня, унижу ль я себя? Лучше голова долой, нежели что ни есть утратить моей чести». «На что моё достоинство поручать зависимости? Искусство не может терпеть порабощения». Искусство! Вот как он смотрел на командование войсками.

В личных письмах и записках – резкий разрыв между невозможностью «ползать» и жаждой продвижения, которое одно лишь могло дать поле деятельности гиганту военного искусства: «Дайте волю быстроте разлива моего духа, благоумудро исправьте шлюз... Истинно не могу утолить пожара в душе моей!» Но: «Я ползать не могу, вались хоть Вавилон». Императору из ссылки: «Повергая себя к освященнейшим стопам». Тогда же другу: «Я тот же, дух не потерял. Обманет меня всякий в своем интересе, надобна кому моя последняя рубашка, ему её отдам, останусь нагой. Чрез то ещё не мал».

Сердечная благодарность Господу за победы и правительству за награды – и «Miscelania моя», заметки для себя: «Без денег, без мызы и саду, без экипажа и ливреи, без банкета... без друзей и без гласа – никому не равен, желать ли мне быть равным? Какая новая суета – мне неведома! Без имения я получил имя свое. Судите – никому не равен». Ирония, игра смыслами? Да. Но и спокойная мудрость военачальника, не потерпевшего ни одного поражения благодаря полководческому дару, мастера, уверенного в своем искусстве.

Искусстве – и человечности, той добродетели, без которой, как был уверен Суворов, «нет ни славы, ни чести». «Ваша кисть изобразит черты лица моего – они видны; но внутреннее человечество мое скрыто, – говорил полководец художнику, писавшему его портрет. – Итак, скажу вам, что я проливал кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближнего; во всю жизнь мою никого не сделал несчастным; ни одного приговора на смертную казнь не подписывал; ни одно насекомое не погибло от руки моей».

Как же так, спросят читатели, наслышанные о свирепых казнях и расправах, которые великий полководец якобы устраивал и внутри страны, при подавлении восстания Пугачева, и вовне её, во время польских восстаний. Прочитав эту книгу, вы увидите, что слово Суворова – правда, а то, что написали о нём не столь совестливые историки, – ложь. Ни один человек не был убит полководцем или по его приказу иначе чем в бою, ни один не был даже жестоко наказан им за всю его долгую и бурную жизнь.

Понимаю, в это сложно поверить, имея даже приблизительное представление о нравах XVIII века. Мало кто в те жестокие времена мог возвыситься до подлинно христианской добродетели. Для этого требовалась незамутнённая вера и великая сила духа, как, например, у святого адмирала Фёдора Ушакова. Но ведь история Руси знает таких подвижников и в более грозные времена: вспомним хотя бы святого князя Александра Невского, любившего и прощавшего страшных врагов...²

Мы с вами много раз убедимся, насколько слово Суворова точно и ёмко выражает величие его дел и его личности. Через все его подвиги – до конца. На могиле Александра Васильевича в Александро-Невской лавре написаны по его воле три слова: «Здесь лежит Суворов». Лучше о нём не скажешь!

Взглядом на мир моего искренне любимого героя можно было бы ограничиться. Но... фигура Суворова в общественном сознании – это целый клубок домыслов и легенд, которые предстоит развеять, чтобы добродетельный человек, великий полководец и одухотворенный искренней верой государственный деятель предстал перед читателем в своём истинном облике. И здесь правда сияет столь ярко, что злобной лжи и клевете трудно будет отыскать себе хоть малый кусочек тени, чтобы укрыть свои короткие ножки.

Основные источники о жизни и мысли Суворова изданы: А. В. Суворов. Документы. В 4 томах. М., 1949–1953; А. В. Суворов. Письма / Изд. В. С. Лопатин. М., 1987. Ссылки на них даются в тексте, например: Д I.176 – Документы. Т. I. № 176; П 3 – Письма. № 3. Ссылки на номера документов и писем облегчают их поиск в многочисленных компьютерных изданиях. Страницы указываются только для очень обширных текстов.

---

² Даже о нём бессовестные историки и публицисты распространили столько сплетен, что я обязан порекомендовать тем, кто желает узнать истину, свою книгу, включившую все без исключения подлинные источники и позволяющую каждому читателю вынести своё обоснованное суждение о святом князе: *Богданов Андрей*. Александр Невский. М., 2009.

Глава 1

Первые шаги

Был счастлив потому, что повелевал счастьем.

«Жизнь столь открытая и известная, какова моя, никогда и никаким биографом искажена быть не может. Всегда найдутся неложные свидетели истины», – писал Суворов на склоне дней. Однако и после двухсот лет изучения биографии полководца о происхождении и первых трех десятилетиях его жизни мы знаем немного.

Александр родился 13 ноября 1730 г. в Москве, видимо, в доме своего отца Василия Ивановича Суворова на Арбате. Отец его был по тем временам немолод – ему уже исполнилось 25 лет, но учёба за границей и суматошная служба денщиком при Петре I долго не давали жениться и завести детей. Впрочем, близость к царю позволила выходцу из незнатного рода московских подьячих завести важные для последующей карьеры связи при дворе.

Александр Васильевич при возведении в графское достоинство в 1791 г. утверждал, что его род «происходит из древней благородной шведской фамилии, из которой именуемый Сувор, выехав в Россию в 1622 г. при царе Михаиле Феодоровиче, принят в российское подданство, предки же его за крымские и другие походы жалованы были поместьями». Эта семейная легенда не выдержала исторической проверки. Даже дядя Александра Васильевича по отцу, Сергей Иванович, при определении в службу сына в 1756 г. не смог доказать дворянское происхождение своих предков и предъявить жалованные грамоты на вотчины, якобы приобретённые в XVII в.

Дворяне по фамилии Суворов (от распространённого прозвища Сувор – суровый, угрюмый) на Руси известны с XVI в., но их родство с будущим генералиссимусом не прослеживается. Зато историкам известен его дед, московский подьячий (чиновник средней руки) Григорий Суворов, служивший в приказе Большого двора (который ведал продовольствием царского Двора) и имевший в 1665 г. денежный оклад в 23 рубля и поместный оклад в 200 четвертей (50 га пахотной земли). Поместный оклад в те времена означал право на владение землёй с крестьянами, а не обязательно наделение ими. Но Григорий Суворов умело использовал это право, «кормясь от дел» и покупая себе во владение то сёла, то деревеньки, то отдельные крестьянские дворы.

Суворова тогда в числе подьячих значилось несколько. Дед Александра Суворова владел купленными и выменными вотчинами во Владимирском, Нижегородском, Пензенском, Переяславль-Залесском, Суздальском и Ярославском уездах. Его старший сын Иван женился на дочери московского гостя (богатого купца) Сырейщикова. Отец полководца Василий женился на дочери подьячего, затем дьяка Поместного приказа, наконец – Санкт-Петербургского воеводы Федосея Манукова. Третий сын, Александр, женился на графине Зотовой, из известной семьи дьяка, ставшего учителем царя Петра. Московская административная среда вместе с аристократией стала опорой преобразований, начатых старшим братом Петра царём Фёдором (1676–1682)³ и продолженных самим Петром.

Иван Григорьевич Суворов был определён подьячим в штаб формируемых Петром «потешных», затем гвардейских полков. Заняв не видную на первый взгляд должность ротного писаря Преображенского полка, он стал затем подьячим Преображенского приказа (ведавшего помимо прочего политическим розыском) и дослужился до звания генерального писаря лейб-гвардии Преображенского и Семёновского полков. Его сын Василий, родившийся в 1705 г. от

---

³ Богданов А. П. Несостоявшийся император Фёдор Алексеевич. М., 2009.

второй жены, Марфы Ивановны (видимо, урождённой Кайсаровой), был послан своим крёстным отцом – царём Петром – для обучения за границей на государственном коште. В инструкции Зотову, в то время агенту Адмиралтейства по найму иностранных специалистов, Петр написал о Василии Ивановиче: «Суворова отправить в Мардан, где новый канал делают, также и на тот канал, который из океана в Медитеранское (Средиземное. – *Авт.*) море приведён, и в прочие места, где делают каналы, доки, гавани и старые починяют и чистят, чтобы он мог присмотреться к машинам и прочему, и мог бы у тех фабрик учиться».

Учился Василий Иванович военно-инженерному делу. В 1724 г., вскоре по возвращении в Россию, он опубликовал перевод классической книги по новейшим тогда способам фортификации: «Истинный способ укрепления городов, издание славного инженера Вобана»⁴. По ней он впоследствии учил сына. «Покойный батюшка, – вспоминал Александр Васильевич, – перевёл способ Вобана с французского на русский язык и при ежедневном чтении и сравнении с оригиналом сего перевода изволил сам меня руководствовать к познанию сей столь нужной и полезной науки», как фортификация.

С этими знаниями Василий Иванович и устроился (по словам сына) денщиком и переводчиком к царю Петру. Тот вскоре умер, а на престол вступила его вдова Екатерина I. При ней Василий Иванович был «выпущен лейб-гвардии от бомбардиров сержантом», произведен в первый офицерский чин прапорщика и назначен в Преображенский полк, в котором дослужился до капитана гвардии. В начале этой службы он женился на Авдотье, дочери бывшего подьячего и дьяка, а ныне офицера Преображенского полка Федосея Манукова. По звучанию его фамилии, близкой к армянской фамилии Манукян, предполагают, что по материнской линии Александр Васильевич получил часть армянской крови. Это возможно: в Москве XVII в. проживало немало армян, прекрасно адаптировавшихся в русской православной среде. Дед генералиссимуса Семён Мануков, кем бы он ни был по роду, служил подьячим в Монастырском приказе, то есть принадлежал к той же среде, что и предки Суворова со стороны отца.

Наиболее вероятным местом рождения Александра Васильевича считают дом на Арбате, неподалеку от Серебряного переуллка, возле церкви Николы Явленного. Он был получен Василием Суворовым в качестве приданого от отца невесты, Федосея Семёновича Манукова. В Никольском храме, вероятно, младенец Суворов и был крещен в честь св. Александра Невского, память которого празднуется 23 ноября.

Мальчику было 10 лет, когда семья переехала за город, в дом на берегу Яузы, в Покровской слободе, в приходе церкви Николая Чудотворца. Лишь после того, как Александр начал действительную службу в гвардии, в 1752 г., село Покровское было включено в пределы г. Москвы.

Свежий воздух и просторы слободы были избраны родителями не зря. Ребенком Александр был слабым и болезненным, но, с детства мечтая защищать Отечество, закалял себя с редкостным упорством. Он обливался холодной водой, спал на жесткой постели; в любую погоду, хоть под проливным дождем, скакал на коне; всю жизнь ел простую и здоровую пищу и ходил в одном мундире, не одевая ни плаща, ни шубы, ни перчаток. В результате о его выносливости ходили легенды, хотя личные письма свидетельствуют, что видимая неутомимость полководца была связана с преодолением им тяжких недугов и последствий множества ранений.

К физической слабости, которую не могли изменить никакие тренировки, надо прибавить тот факт, что Суворов поздно поступил в службу и почти всегда был намного старше своих соратников. Что он воистину хорошо в себе воспитал, так это умение, стиснув зубы и не подавая вида, переносить чрезмерные для него нагрузки и преодолевать лишения. Временами

⁴ Маршал Франции Себастьян де Вобан (1633–1707) – руководитель военно-инженерных работ во Франции (с 1677), гениально сочетавший разработанную им теорию защиты и взятия крепостей с практикой, заслуженно считается отцом военно-инженерного искусства Нового времени. Его идеи широко применялись до начала XX в.

болезни и раны буквально валили его с ног. Но, едва поднявшись с постели, он реализовал свои планы, которые Фортуна хотела сорвать, с удвоенной энергией.

Стремительные марши, которые совершали по бездорожью, по грязи и мокрому снегу его войска, давались полководцу тяжелее, чем его солдатам и офицерам. Лишь силой духа Суворов заставлял себя не отставать, но быть впереди, да ещё ободрять уставших товарищей. В Швейцарском походе через вершины Альп, потребовавшем от русской армии сверхчеловеческого напряжения сил, когда солдаты падали и замерзали от усталости и холода, 79-летний Александр Васильевич уже умирал – и только поэтому позволил везти себя на коне, а не месил грязный снег вместе со всеми.

Умерщвление плоти, коим на протяжении тысячелетий гордились иноки, было для полководца обычным бытовым правилом. Не давая никаких обетов, Суворов всю жизнь не позволял себе вкусно есть и мягко спать. Постелью его была в лучшем случае жесткая походная кровать, которая стояла и в палатке, и во дворцах, где ему частенько случалось жить. В пищу он употреблял в основном каши, иногда добавляя в рацион рыбу и мясо. Он строго соблюдал посты, предлагая всем для здоровья поститься и в неурочное время. Питьём ему служили квас и ягодные напитки. Солдатам тогда был предписан алкоголь, но Суворов и здесь ограничивал себя от «роскошеств»: принимал в лекарственных дозах лишь анисовую настойку.

Под мундиром будущий генералиссимус носил простое солдатское бельё. В нём, – а не в шикарных батистовых рубашках с жабо, как обыкновенно изображают, – он нередко скакал в бой, сняв сковывающий его тщедушное тело мундир. Скакать полководцу приходилось на неприхотливых и низкорослых казачьих лошадаках: крупную лошадь его коротенькие ноги не могли крепко охватить. Конечно, Александр Васильевич в зрелые годы мог завести и роскошные одеяния, и породистых (при этом небольших) арабских коней, и иные «лакомства». Но, каждодневно борясь с физической немощью за право переносить тяготы наравне с вверенными ему солдатами и офицерами, он не давал себе никаких поблажек.

В глазах людей XVIII в., когда мода на роскошь у состоятельных мужчин достигла наивысшей точки, а идеалы святых подвижников были отодвинуты салонными идеями Просвещения, сибаритства и вседозволенности, такое поведение выглядело чудачеством. Зачем месить грязь с солдатами, если штаб-офицер и тем более генерал мог добраться до места в карете или просто не участвовать в учебном походе? Зачем Суворову вообще понадобилось учить солдат совершать изнурявшие и перенапрягавшие его самого марш-броски?! Зачем идти в атаку на самом опасном участке, если можно командовать боем с предписанного генералу места в тылу?!!

Прямого ответа на эти вопросы Суворов никогда и никому не давал. Все его слабости, с которыми полководцу приходилось каждодневно бороться, были надёжно скрыты даже от ближнего окружения, кроме денщика, взятого Суворовым в услужение из крепостных крестьян. Именно на него падала обязанность лечить отбитый зад и стёртые седлом ноги полководца, унимать кровь из открывшихся старых ран и вообще приводить измученного Суворова в состояние, годное к «действительной службе».

Однако, начав подвиг борьбы с плотью стремлением «стать, как все», настоящим солдатом, Александр Васильевич достиг в преодолении своей немощи невиданных высот. Сделав этот подвиг повседневным, он устремился к пределу самоотвержения, равно в труде и в бою. Равняясь на простого солдата, он постоянно, день за днём, поднимал «планку» физических и моральных нагрузок, равно на подчинённых и самого себя. Это делалось не с конкретной целью научиться тому и сему, это было постоянным процессом самоусовершенствования. Прежде всего, усовершенствования духа Александра Васильевича, привыкавшего повелевать материей.

В постоянных тренировках рождались и всемирно известные суворовские «чудо-богатыри», для которых не было ни природных преград, ни слишком сильного противника. Слова

«тяжело в ученье – легко в бою» звучат в этом контексте не столь уж хрестоматийно. Появляясь там, где по физическим законам и испытанным правилам войны он никак не мог быть, бросая своих солдат в бой на многократно превосходящего неприятеля, требуя от них: «Делайте на войне то, что противник почитает за невозможное», Суворов всего лишь пользовался плодами того, как он воспитал самого себя, а вместе с собой – и своих богатырей.

К тому, что Суворов стал солдатом и генералиссимусом вопреки своим физическим данным, но исключительно благодаря силе духа, следует добавить, что он отнюдь не был «золотым мальчиком», начавшим военную карьеру благодаря влиятельным родителям.

Его более-менее влиятельный дед Иван Григорьевич умер в 1715 г., ещё до отправки отца на учёбу за границу. Из всей семьи важные должности занимал дед Александра по матери, служивший в 1711–1719 гг. вице-губернатором Санкт-Петербурга, а с 1722 г. – президентом Вотчинной коллегии (ведомства по земельным владениям дворян). Но к моменту записи Александра в службу умер и Федосей Семёнович Мануков (1742).

В отношении якобы мешавшего Суворову «засилья иноземцев» легенда о юности полководца тоже полна заблуждений. Считают, что отец Александра не хотел записывать его в военную службу по слабости здоровья, а также в связи с всевластием иностранцев при дворе и в армии императрицы Анны Иоанновны. Только после прихода к власти Елизаветы Петровны (и то не сразу) он был в числе других дворянских недорослей зачислен сверх штата в лейб-гвардии Семёновский полк. Это произошло 22 октября 1742 г.

* * *

У этого наемника-историка два зеркала: одно увеличительное для своих, а уменьшительное для нас. Но потомство разобьет вдребезги оба.

При чем здесь иноземцы, особенно армейские, неясно. Полководец, не раз говоривший: «Горжусь, что я русский», – всю жизнь высоко ценил разнонациональных офицеров и генералов, верно служивших России. В его глазах Багратион и Кутузов, Дерфельден и Милорадович, Розенберг и Ермолов были одинаково русскими. Возмущение Суворова вызывали лишь попытки принизить славу России, русского оружия, слепо подражать порядком битым этим оружием противникам. Вслед за Петром I он с законной гордостью писал: «Природа произвела Россию только одну – она соперниц не имеет».

В отличие от «ура-патриотических» историков Суворов никогда не уничижал своих иностранных союзников. Даже после Швейцарского похода, когда австрийское правительство предало Россию и поставило ее армию на край гибели, генералиссимус писал старому боевому товарищу принцу Кобургу: «Мы обязаны всеми подвигами соединению двух первых армий в Европе в непобедимую Российско-Австрийскую армию. И если снова начинать кампанию, то необходимо сблизиться в системах. Иначе не может быть ни спасения для человечества, ни восстановления угнетенных государей и религии» (П 665).

Мало того – полководец всегда воздавал должное доблестному противнику независимо от подданства и национальности. Обычно его уважение к иноземцам не было взаимным. Объективность встречается в мире столь же редко, как талант и великодушие. Русские и иностранные недоброжелатели, равно как и недалекие хвалители, распространяли о полководце бесчисленные сплетни ещё при жизни Суворова. На выпад одного из них лично ответила императрица Екатерина Великая:

«В 123 номере геттингентской газеты напечатана величайшая нелепость, какую только возможно сказать. В ней говорится, что генерал граф Суворов – сын гильдестеймского мясника. Я не знаю автора этого вымысла, но не подлежит сомнению, что фамилия Суворовых давным-давно дворянская,

спокон века русская и живет в России. Его отец служил при Петре I... это был человек неподкупной честности, весьма образованный, он говорил, понимал или мог говорить на семи или восьми мертвых или живых языках. Я питала к нему огромное доверие и никогда не произносила его имя без особого уважения».

* * *

Жизнь короткая, а наука длинная.

Того факта, что честнейший Василий Иванович Суворов (дослужившийся позже до чина генерал-аншефа и звания сенатора) успешно нес службу при Анне Иоанновне, было бы историкам довольно, чтобы отместить «засилье иноземцев» как причину «задержки» зачисления Александра в полк. Тем более что на самом деле «засилья» не было. Помимо фаворита Анны Бирона, державшегося в тени, на политической сцене были заметны иностранные специалисты, призванные ещё Петром I (Миних, Левенвольде, Ласси и др.). Однако виднейшими министрами были Остерман, Головкин, Черкасский, Волынский и Бестужев-Рюмин, которых трудно обвинить в симпатиях к Западу. Сама Анна Иоанновна опиралась на мощную поддержку патриотически настроенной гвардии и московского дворянского общества.

Эта поддержка позволила новой императрице 25 февраля 1730 г., почти ровно за 9 месяцев до рождения Александра, разорвать составленные властолюбивыми аристократами «Кондиции» и восстановить в России самодержавие. Именно гвардия и московские служилые люди были в первых рядах сторонников Анны Иоанновны. Как заметил про аристократическую камарилью французский наблюдатель: «Счастье их, что они тогда не двинулись с места; если бы они показали хоть малейшее неодобрение приговору шляхетства (дворянства. – *Авт.*), гвардейцы побросали бы их за окно». Те же самые люди, гвардейцы и московские дворяне, горячо приветствовали нововведения Анны Иоанновны: отмену в России смертной казни⁵ и закона о единонаследии, ограничение срока дворянской службы 25 годами и учреждение Шляхетского корпуса для обучения дворянских детей.

Отец Александра стал одним из ревностных сторонников новой императрицы. В 1738 г. Василий Иванович, состоя «в полевых войсках прокурором», был послан в Тобольск для расследования «важнейшего дела». Следственная комиссия во главе с начальником Канцелярии тайных и розыскных дел, сенатором и гвардии капитаном Андреем Ивановичем Ушаковым, жестоко пытала на дыбе одного из всесильных прежде временщиков, князя И. А. Долгорукова. Гвардии поручик Суворов активно участвовал в получении сведений о придворном заговоре с целью захвата власти группой аристократов.

Неясно, зачем историки голословно «отмазывали» отца Суворова от жестокостей этого процесса, завершившегося четвертованием обвиняемого в ноябре 1739 г. Заговор аристократов, едва не увенчавшийся успехом⁶, был с точки зрения искреннего и пылкого сторонника самодержавия ужасным преступлением против основ русской государственности. Как раз участие в розыске Суворова, не имевшего, в отличие от Ушакова, личных счётов с обвиняемым,

---

⁵ Смертная казнь отменялась за обычные уголовные преступления (то есть для основной массы осуждённых). Отмена не распространялась на преступления против высшей государственной власти, за которые по действующему тогда Соборному уложению 1649 г. полагались квалифицированные (особо жестокие) публичные казни. Но даже в этом случае при Анне Иоанновне, как и в XVII в., приговор обычно смягчался по сравнению с суровыми нормами Уложения, утверждёнными представителями сословий (дворян, духовенства, горожан и свободных крестьян) на Земском соборе в целях защиты российской государственности.

⁶ Накануне смерти Петра II И. А. Долгоруков с сородичами принял участие в составлении подложного завещания, оставившего престол сестре князя, наречённой невесте императора княжне Е. А. Долгоруковой, причём лично подделал императорскую подпись. Целью аристократического клана был захват верховной власти в стране.

делало результаты следствия достоверными в глазах дворянства, а приговор – справедливым. Соответствовала репутации Василия Ивановича и должность военного прокурора, призванного защищать законность и порядок, бороться со злоупотреблениями: всем было известно, что взятки он не брал.

Лишь после кончины Анны Иоанновны, в царствование Иоанна Антоновича, отец Суворова был 2 февраля 1741 г. уволен от должности войскового прокурора и определен к «гражданским делам» с невысоким чином коллежского советника. Но в том же году дочь Петра I Елизавета с воинами Преображенского полка, среди которых, видимо, был и Василий Иванович, арестовала малолетнего императора и низвергла захватившую при нём власть камарилью. Суворов-старший получил чин полковника и был назначен прокурором Берг-коллегии: горного ведомства, где царили взяточничество и произвол.

Уже в 1742 г., едва записав сына в службу, Василий Иванович просил Сенат запретить президенту Берг-коллегии единолично и бесконтрольно подписывать важные документы и назначать чиновников. Тем самым Суворов пытался сломать систему коррупции, пронизывавшую горное ведомство до самых верхов. Невзирая на давление владельцев железных заводов и солепромышленников, прокурор пресекал их попытки обмануть казну, одобряемые (очевидно, не безвозмездно) коллегией. Ситуация в горном ведомстве мало отличалась от современной. Довольно вспомнить случай, когда один из первых русских нефтепромышленников Прядунов с одобрения Берг-коллегии продавал нефтепродукты беспощинно, как... лекарственные средства. Эту аферу по докладу Суворова-отца пресёк только Правительствующий Сенат.

В своей видной, хотя хлопотной, не почитаемой среди военных «штатской» должности полковник Суворов, используя дружеские связи в гвардии, записал сына в группу из 20 дворянских детей, числящихся в Семёновском полку. Первый документ, с которого началась военная биография будущего генералиссимуса, гласил:

«1742 году октября 22-го дня по указу ея императорского величества, лейб-гвардии Семёновского полку господа полковые штабы (штаб-офицеры. – *Авт.*) приказали: явившихся с прошениями нижеозначенных недорослей, а именно... Александра Суворова... написать лейб-гвардии в Семёновский полк в солдаты сверх комплекта без жалованья, и для обучения указных наук, по силе состоявшегося... в прошлом [1] 736 году декабря 16-го дня именного указу (императрицы Анны Иоанновны. – *Авт.*), со взятием обязательств от отцов или от сродников их... отпустить в дома их на два года...» Любопытно, что первым из трёх штаб-офицеров этот документ подписал Андрей Ушаков, сослуживец Суворова по розыскному делу Долгоруковых⁷.

25 октября недоросль Александр предстал перед офицерами созданного и прославленного при Петре I полка, дав в московской полковой канцелярии ответ на обязательные вопросы: «От роду ему 12 лет; в верности её императорского величества службы у присяги был; отец его ныне обретается в Берг-коллегии при штатских делах прокурором; а он, Александр, донныне живёт в доме помянутого отца своего и обучается на своём коште французскому языку и арифметике; а в службу никуда не определён, также и для обучения наукам в Академиях записан не был. А во владении за означенным отцом его крестьян мужского пола в разных уездах... триста девятнадцать душ». Под документом мы видим автограф юного солдата, написанный чётким и твёрдым почерком: «К сей скаске недоросль Александр Суворов руку приложил»⁸.

26 октября В. И. Суворов дал письменное обязательство обучать сына-солдата «указным наукам, а именно: арифметике, геометрии, тригонометрии, артиллерии и частью инженерии и фортификации, а также из иностранных языков и военной экзерции». Об успехах учёбы

⁷ Герца А. Суворов-солдат. СПб., 1900. С. 5.

⁸ Цит. по факсимиле документа в альбоме: А. В. Суворов. М., 1986. С. 35. В советских изданиях документов сведения о владении Суворовым крепостными опускались.

прокурор обязался сообщать в полковую канцелярию каждые полгода. 8 декабря будущий полководец получил первый в своей жизни военный документ: «Подлинный паспорт я, солдат Александр Суворов, взял и расписался»⁹.

Почему отец стал хлопотать о службе сына именно в 1742 г., понятно. Александру Суворову исполнилось 12 лет, время обязательной записи дворянских сыновей в службу, от которой по закону нельзя было уклониться (тогда как аристократы могли записывать своих детей в службу чуть ли не сразу после рождения). На жизнь полководца сильно повлияло сравнительно позднее поступление на действительную службу и ещё более позднее получение первого офицерского чина. Ведь с этого момента начинался отсчет «старшинства», бывшего обязательным условием при производстве в более высокий чин. Получая очередное звание, офицер в буквальном смысле занимал «очередь» за последним человеком, произведённым в этот чин до него, и не мог получить следующий чин раньше, чем его пожалуют всем «старшим» товарищам. Чем более высоким был следующий чин, тем это правило соблюдалось строже. Александр Суворов на несколько лет отстал от сверстников, не говоря уже о детях аристократов, записанных в службу с малолетства и получавших офицерские чины раньше других дворян.

Насколько Суворов отстал в порядке чинопроизводства, видно по тому, что фельдмаршал Румянцев-Задунайский, который обычно представляется нам человеком другого поколения, был старше его всего на 5 лет. Сама Екатерина Великая, в 1794 г. вне очереди произведя Суворова из генерал-аншефов в фельдмаршалы, остро сознавала, что нарушила строгий порядок. По воспоминаниям адмирала Чичагова, самодержица сочла необходимым лично извиниться перед «обойденными» генералами, попытавшись обратить дело в шутку: «Что делать, господа, звание фельдмаршала не всегда даётся, иной раз у вас его и насильно берут».

Суворов ещё более серьёзно отстал от сверстников, свыше 5 лет после записи в полк (вместо 2-х) находясь в отпуске (для изучения «указных» наук), который несколько раз продлевался по просьбе его отца¹⁰. Видимо, все же Василий Иванович, оттягивая начало действительной службы Александра, опасался за здоровье сына. Но это время не было потеряно. Помимо обязательных (по требованиям офицерского совета Семёновского полка) предметов: математики, геометрии, картографии, инженерного дела, артиллерии и воинского обучения, – он блестяще изучил в доме отца древние (латынь и греческий) и новые языки, историю, литературу, философию, стратегию и тактику. Он научился наблюдать и осмысливать действительность, думать, сравнивать, делать точные и справедливые выводы.

Данные о круге чтения Александра Суворова показывают, что он интересовался разными течениями человеческой мысли, умея подходить к прочитанному критически. Священное Писание и труды отцов церкви соседствовали среди его книг с «Илиадой» Гомера и трактатами Аристотеля, военные уставы с сочинениями выдающихся полководцев, от «Записок» Юлия Цезаря до мемуаров полководцев Нового времени: Евгения Савойского, маршала Тюренна и Морица Саксонского. Суворова интересовали научные труды Ломоносова, Локка и Лейбница. Социально-политические суждения отца научного либерализма Монтескьё он, оставаясь истинным монархистом, сопоставлял с рассуждениями демократа Руссо. Изучение взглядов Вольтера и французских материалистов не поколебало православных убеждений Суворова. А легкомысленные современные пьесы и журналистика (всерьёз увлекавшие и Екатерину Великую), басни Лафонтена и популярные романы (включая новомодного, хотя и не вполне цензурного Фильдинга) развлекали Александра, не увлекая его на стезю порока.

Самообразованием Александр Васильевич упорно занимался всю жизнь, поражая собеседников глубиной знаний в самых различных областях. В этом весьма помогло изучение восьми языков, в особенности французского и немецкого, на которых он не только свободно

⁹ Из прошлого: Исторические материалы лейб-гвардии Семёновского полка. СПб., 1911. С. 157.

¹⁰ До 1 января 1746 г., затем 1747 и 1748 гг. См.: Герца А. Суворов-солдат. С. 6–7, 10.

говорил, но и писал, в том числе стихи. Полководец владел итальянским, польским и турецким языками, осваивая новые наречия с изумлявшей его окружение легкостью.

Помимо учебы дома, Суворов, «непрестанно совершенствуя себя науками», посещал в 1750–1751 гг. старшие классы кадетского корпуса и собрания «Общества любителей российской словесности». «Я всегда был бережлив и трудолюбив, с драгоценнейшим на земле сокровищем, с временем, – как на обширном поле деятельности, так и в жизни уединения, – которым всегда умел пользоваться».

* * *

Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях нужны, только тщетны они, если не будут истекать от искусства.

Действительная служба Суворова, продолжавшаяся более 50 лет, началась с 1 января 1748 г., когда «явившийся из отпуска 8-й роты капрал Суворов» получил должность в 3-й роте и прибыл в Санкт-Петербург. Он поселился в казармах, а с сентября (8 месяцев спустя) – в доме своего дяди, лейб-гвардии поручика Преображенского полка А. И. Суворова. Как раз в канун нового 1748 г. дядя был пожалован в капитан-поручики: в гвардии немалый чин, – сама императрица однажды избрала такой мундир для выхода на один из маскарадов. Впрочем, у всех чинов Семёновского полка мундиры были завидные: белые кюлоты и гетры, длинный ярко-красный камзол и надетый поверх него зелёный кафтан создавали яркую и праздничную композицию.

Сведения о жизни Александра Суворова в Семёновском полку скудны и смутны, ибо относятся к источникам весьма поздним. Интересен лишь их лейтмотив: что молодой капрал чистил оружие и нёс службу сам, не передоверяя никому воинских обязанностей. Это считалось необычным. В Семёновском полку более половины солдат были дворянского сословия. Дворяне держали при себе от двух (как у капрала Суворова) до 20 с лишним слуг мужского и женского пола. На них хозяева возлагали все работы, а в очередные караулы и на регулярные экзерциции (учения, проводившиеся, впрочем, лишь в хорошую погоду) нанимали вместо себя солдат из крестьян.

Существенной обязанностью дворян-семёновцев было участие в придворных праздниках и развлечениях, следовавших одно за другим. Устраиваемые с чрезвычайной роскошью, увеселения 29-летней красавицы-императрицы и её фаворитов считались делом государственным и для гвардии служебным. Пока одни гвардейцы красиво стояли на карауле в общественных местах, другие должны были заполнять весёлыми разодетыми толпами места развлечений императрицы и сопровождающих её дам.

Суворов, с дамами ещё в те времена неловкий, предпочитал общению с ними чистку мушкета. Он высоко ценил привилегию караульного молчать на посту, избавляющую от необходимости говорить комплименты шустрым девицам двора «прекрасной Елисавет» и оказывать внимание сонмам юных петербургских дам, ищущих модных приключений с молодыми военными.

При этом нет оснований считать, что капрал Суворов не участвовал в общественной жизни гвардии: трёх полков пехоты (Преображенского, Семёновского и Измайловского) и конногвардейцев, чьи полковые слободы, разделённые на проспекты-«перспективы» и улицы-«роты», занимали большие районы в центре Северной столицы, застроенные не столько казармами, сколько частными особняками.

Гвардия была прекрасным местом для увеселений и великолепным трамплином для придворной карьеры. Она предоставляла все удобства для удачной женитьбы и позволяла выйти в отставку с довольно высоким чином (при переводе в армию гвардейские чины повышались

на две ступени). Наконец, гвардия служила школой для армейских офицеров – причём весьма плохой, поскольку гвардейцы не воевали с петровских времён. Впрочем, и русская полевая армия из 50 пехотных и 32 кавалерийских полков, не говоря о 49 с лишним пехотных и 7 драгунских полках сонной гарнизонной службы, наслаждалась милой императрице «возлюбленной тишиной» целых 17 лет.

Любовь Суворова к службе и нелюбовь к придворным увеселениям не способствовали его карьере. Номинально командовавший Семёновским полком (ибо посещал службу редко) генерал-аншеф С. Ф. Апраксин выдвинулся благодаря дружбе с правившими при Елизавете Петровне канцлером А. П. Бестужевым-Рюминым и братьями Шуваловыми. Чины и высокие награды жаловались даже малолетним детям лиц, заработавших хорошие связи «на паркете». А уж ловкость в обращении с дамами награждалась сверх меры!

Перед глазами Суворова был пример простого украинского казака Алексея Григорьевича Разумовского, заслужившего в спальне императрицы чин генерал-фельдмаршала, и его брата Кирилла, ровесника нашего капрала, ставшего в 20 лет подполковником гвардии (1748), а вскоре и гетманом Малороссии (1751). Он видел, как достигли высших военных чинов никогда не воевавший Н. Ю. Трубецкой и называвший себя «фельдмаршалом мира» А. Б. Бутурлин. Вероятно, Суворов понимал, что своим поведением лишает себя возможностей сделать быструю военную карьеру. И всё же упорно учился воинскому делу и терпеливо ждал, когда его труд понадобится Отечеству.

В чине капрала, подпрапорщика, затем сержанта Семёновского полка Александр исправно нес караульную службу, сопровождал императрицу в Петербурге и Москве, побывал дипломатическим курьером в Дрездене и Вене, укрепляясь во мнении, что «дисциплина – мать победы». Довольно долго он был ординарцем майора Н. Ф. Соковнина. Шесть с половиной лет, проведенных в нижних чинах, полководец впоследствии оценил словами: «Научись повиноваться, прежде чем будешь повелевать другими». Лишь на 24-м году жизни получил он долгожданный офицерский чин поручика с назначением в Ингерманландский пехотный полк¹¹.

Похоже, однако, что это была отставка, вернее – обычное для гвардейцев преддверие её. Действительно, Александр был выпущен поручиком в полевую армию 25 апреля 1754 г., 10 мая получил назначение в полк, а уже 14 мая взял в Военной коллегии, где служил отец, отпуск домой на один год. За этим обыкновенно следовали увольнение дворянина со службы и мирная жизнь в помещичьей усадьбе или городском доме. Для Суворова это было закономерным крушением мечты. Он получал повышения быстрее многих сверстников, по 10 и 15 лет остававшихся гвардии рядовыми, но, в общем-то, огромными стараниями к 26 годам ничего значительного не выслужил.

Мог ли отец способствовать ускорению его карьерного роста? Разве что отчасти. Больших денег и влияния у Василия Ивановича не было, а карьера слишком честного по тем временам прокурора хромала. В 1751 г. Суворов в качестве прокурора Сената пытался унять незаконные действия чиновников сенатского аппарата. В 1753 г. Сенат представил его на должность обер-прокурора Святейшего Синода, но утверждения в этой должности Василий Иванович не получил. Вместо этого он был пожалован в бригадиры, а к концу 1753 г. получил чин генерал-майора и должность члена Военной коллегии: ведомства, занимавшегося вопросами обеспечения армии. Легко заметить, что вскоре сын его получил долгожданный офицерский чин, назначение в Ингерманландский полк, и, наконец, отпуск домой.

На этом военная карьера великого полководца могла застыть навсегда. Производство в чины, особенно для армейских офицеров, было крайне медленным, а военных побед, о кото-

¹¹ По представлению генерал-аншефа и гвардии подполковника С. Ф. Апраксина указом императрицы в армию было выпущено 175 гвардии рядовых, капралов, унтер-офицеров и сержантов гвардии, из которых лишь 34 (включая Суворова) удостоились чина поручика (остальные стали подпоручиками и прапорщиками).

рых с малолетства мечтал Александр Васильевич, одерживать было негде: красавица-императрица Елисавет любила гвардию, но не любила воевать. Укрепивший своё положение отец мог способствовать продвижению сына, но только по интендантскому ведомству. Так что после годового отпуска Александр в назначенный ему полк не вернулся. С начала 1756 г. Суворов-младший служил в Новгороде в качестве обер-провиантмейстера, усвоив тонкости и значение правильной организации снабжения армии.

Тщательная ревизия провиантских и фуражных магазинов позволила ему осенью занять пост генерал-аудитор-лейтенанта Военной коллегии. Это была должность первого помощника генерал-аудитора, представлявшего военно-судебную власть над армейскими чинами до полковника. Как генерал-аудитор-лейтенант, Суворов с несколькими подчинявшимися ему обер-аудиторами рассматривал дела и утверждал приговоры военных судов, вплоть до разжалования в солдаты. Нестроевая служба была недолгой, но открыла будущему полководцу бездну безобразий и несправедливостей, царящих в армии. Александр Суворов и из этого печального опыта извлёк пользу для будущего управления войсками. Но, главное – получил наконец-то трамплин для продвижения в армии.

Глава 2

Первые бои

*Я лучшие прусского покойного великого короля!
Я, милостью Божией, баталий не проигрывал.*

Когда началась Семилетняя война (1756–1763), Суворов был «выпущен в премьер-майоры» для определения в пехотные полки команды генерал-фельдмаршала А. Б. Бутурлина. В армии это был высокий чин, позволяющий командовать батальоном или эскадроном. Увы, надежда Александра Васильевича попасть на театр военных действий не сбывалась. Русские войска выступили на запад под командой фельдмаршала Апраксина. Бутурлин же, в подчинение коему попал Суворов, был одним из пяти членов Конференции министров, силившейся управлять боевыми действиями из Петербурга.

Правительство Елизаветы Петровны недооценило противника и имело преувеличенное представление о собственных силах. Россия располагала тогда самой большой в Европе армией, содержание которой ежегодно поглощало более $\frac{4}{5}$ бюджета. Однако из четверти миллиона солдат, имевшихся на бумаге, в полевых войсках служило менее 200 тыс., а с учетом значительного некомплекта – около 150 тыс.

Не давала поводов для восторга и боеспособность войск. Их рядовой состав пополнялся за счет денежной рекрутской повинности: в рекруты нанимались на деньги, собранные с определенного числа «ревизских душ», охочие люди, которые «в большем числе заключали в себе худшую, безнравственную и нередко преступную часть населения» (по оценке военного историка). Служба их была бессрочной, дисциплина поддерживалась жестокими избиениями. Офицерами становились неопытные дворянские юноши и иностранные наемники, часто не лучшего разбора. Качество вооружения и обучения оставляло желать лучшего (за исключением артиллерии и военных инженеров). В кавалерии не хватало защитного вооружения и даже холодного оружия. Пехота вступила в войну в разгар переформирования полков и перехода на мушкеты нового образца. Инициатива солдат и даже офицеров не приветствовалась: решения должны были принимать генералы. При этом из четырех генерал-фельдмаршалов двое получили звания при дворе...

Располагая такими силами, петербургские политики думали запугать военной демонстрацией прусского короля Фридриха II Великого – талантливого государственного деятеля и лучшего западного полководца XVIII в. (до Французской революции). Его 155-тысячная армия была тщательно подобрана, вооружена и образцово вымуштрована по господствовавшей тогда в Европе системе, не случайно названной современниками прусской (подобно существовавшей ранее испанской, а затем шведской). При этом Фридрих, доведя линейную тактику боя до совершенства, относился к ней творчески. Так же, как он приказывал печатать неверные топографические карты, многие из его объявленных «правил» были рассчитаны на обман и разгром слепых подражателей. Даже при подготовке войск он сделал ставку не на пехоту (которая по канону должна была образовывать главные огневые линии), а на высококомандованную кавалерию.

К весне 1757 г., когда 128-тысячная русская армия с огромным обозом выступила в поход на запад, Фридрих успел отвоевать Саксонию у союзной России Австрии. С присущей ему энергией нанося удары то австрийцам, то французам, то (с помощью своих генералов) шведам, король счёл достаточным выставить против русских 30-тысячную армию фельдмаршала Левальда. Фельдмаршал Апраксин, как и предполагал Фридрих, в соответствии с военными канонами распылил значительную часть сил, а оставшиеся не умел использовать.

В генеральном сражении при Грос-Егерсдорфе смогли принять участие лишь 15 полков растянувшейся в походе русской армии. Но атакованные на марше колонны генерал-аншефа Фермора нежданно для врага перешли в наступление; генерал-майор Румянцев провёл полки через лес и ударил в штыки. Левальд потерпел поражение, но не был разгромлен, поскольку Апраксин не организовал преследование. Затем Апраксин вообще убрался из Пруссии, потеряв (в основном от болезней) более 10 тыс. солдат.

Больше года Александр Суворов латал в армии дыры, формируя маршевые батальоны для отправки в Пруссию, и служил комендантом г. Мемеля, показав начальству отменную распорядительность. В полках тогда катастрофически не хватало не только солдат, но и офицеров. Тем не менее получить командование щупленький, невзрачный с виду офицер никакими силами не мог. Начальство просто не представляло себе, как посылать такого маленького человека в бой против могучих пруссаков Фридриха Великого.

Отец Александра занимался снабжением армии и, благодаря своей «неподкупной честности», заслужил в январе 1758 г. чин генерал-поручика. Однако и он видел перспективы службы сына в интендантском ведомстве, а не на полях сражений. Тем не менее Василий Иванович должен был способствовать стремлению сына оказаться наконец в действующей армии.

Получив 9 октября 1758 г. чин подполковника Куринского пехотного полка, к которому был заранее приписан, Александр Васильевич достиг вождельного театра военных действий, но... без личного состава под своей командой. Суворов отметил в своей автобиографии, что участвовал во взятии прусского городка Кроссена, надо полагать, в составе бригады генерал-майора князя Михаила Никитича Волконского, отличившейся затем при Пальциге и Кунерсдорфе¹².

В последнем, величайшем, сражении войны Александр Васильевич участвовал в должности дежурного офицера при командующем 1-й дивизией генерал-аншефе Ферморе. Родившийся в России сына англичанина, благодаря личным военным заслугам за 36 лет прошедший путь от бомбардира полевой артиллерии до генерал-аншефа, Вилим Христофорович Фермор был образцовым русским офицером: отважным, распорядительным, всегда подтянутым и даже – что странно по тем временам – не слишком честолюбивым.

Не его вина, что русская армия, которой Фермор командовал более полугода, не смогла одолеть войска Фридриха Великого при Цорндорфе 14 (25) августа 1758 г. Сражение, на которое Суворов не успел, превратилось в колоссальную резню. Русские понесли большие потери, чем пруссаки (16 тыс. убитых против 11), и вынуждены были отступить. Обвиняя в этом Фермора, офицеры помнили, что, разгромив пруссаков у Грос-Егерсдорфа, Вилим Христофорович отступил лишь по приказу свыше, и подозревали, что летнее отступление 1758 г. тоже санкционировано из Санкт-Петербурга.

У Фермора – единственного из тогдашних военачальников, смевшего сражаться с пруссаками на равных и даже побеждать признанного военного гения, короля Фридриха II, – молодому офицеру было чему поучиться. «У меня два отца, – говорил позже Александр Васильевич, – Суворов и Фермор». Чему же мог научиться Суворов у Вилима Христофоровича?

Именно Фермор сумел выполнить приказ из Петербурга, повелевающий находящейся в плачевном состоянии армии перейти в решительное наступление зимой 1757/58 г. Тогда полки шли в сильный мороз, нередко без ночевки, оставляя больных в городах и деревнях, но сохраняя порядок в своих рядах. Скорость наступления Фермора – 20 км в сутки – вдвое превышала принятую в европейских армиях (и продемонстрированную в текущей войне). Не

¹² Автобиография А. В. Суворова от 28 октября 1790 г., представленная им в Герольдмейстерскую контору по случаю пожалования ему графского достоинства и нового герба, опубл.: Генералиссимус Суворов. Сб. документов и материалов. Л., 1947. № 4. С. 17–73. Далее, кроме оговоренных случаев, используется она. Более ранняя автобиография от 22 сентября 1786 г. опубл.: Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее – ЧОИДР). М., 1848. № 9. С. 534–552. Автобиография 1790 г. и формулярный список с 23-го октября 1742 г. по 6-е мая 1800 г.: Д. I. 1–2.

ожидавший зимнего наступления Фридрих не успел перебросить против русских отозванные им на запад войска.

Заняв Восточную Пруссию и её столицу – Кёнигсберг, армия Фермора продолжила наступление. Был открыт путь к р. Варте, правому притоку Одера, и крепости Кюстрин, через которую русские (как и позже, в 1945 г.) были намерены двинуться на Берлин. Наступление в Померании затруднялось весенними паводками и плохими дорогами, но Фермор, уточняя маршруты колонн, вывел 42 тыс. солдат при 134 орудиях к окруженному болотами Кюстрину. Фридрих, спешно собирая войска со всех фронтов, устремился на спасение сосредоточенных в Кюстрине запасов провианта, запретив гарнизону под страхом смерти «заикаться о сдаче».

Фермор с помощью артиллерии успел уничтожить кюстринские склады, а замечательный полководец Румянцев сжёг мост через Одер. Фридрих под покровом ночи навел понтонный мост и внезапно появился между главной русской армией и корпусом Румянцева. Союзники-австрийцы, которым полагалось преследовать Фридриха, не пытались этого сделать. Численностью пруссаки уступали русским (их было чуть более 32 тыс.), но это были отборные, испытанные во многих сражениях полки. В то время как у Фермора целый Обсервационный корпус состоял из необстрелянных солдат, новоприбывших на поля сражений, которые к тому же исхитрились употребить перед боем «потаённо сверх одной чарки, которую для ободрения выдать велено».

Фермор успел отступить от Кюстрина и стянуть силы на пересеченной местности у деревни Цорндорф. Утром 25 августа 1758 г. развернулось кровопролитнейшее сражение Семилетней войны. Поле боя было иссечено оврагами и сплошь окружено лесами, а с трёх сторон – ещё реками и болотами. Поражение означало гибель. Понимая это, Фридрих велел объявить офицерам при переправе через Одер: «Мой девиз победить или умереть, и тот, кто так не думает, может оставаться на этой стороне и лететь к чёрту!»

Вполне осознавали свое положение и русские войска. Отчаянная ситуация показала, что масса офицеров готова проявлять личную инициативу. О феноменальную стойкость русского солдата, занявшего оборону, разбилось превосходное военное искусство Фридриха, который переиграл Фермора по всем статьям. В огненном аду главнокомандующий был контужен и выбыл из боя, многие офицеры погибли, генералы получили тяжкие раны, но войска держались. Неистовые атаки пруссаков отбивались ещё более отчаянными контратаками. Весь ход битвы при Цорндорфе не укладывался в военные каноны. Ни знакомые тактические схемы, ни разработанные Фридрихом для их опровержения приёмы не сработали. Русская армия устояла.

Никто в армии не знал, отчего Фермор, после торжеств и пролившихся на него наград в Санкт-Петербурге, был снят с поста командующего. Прибывший в его штаб Суворов смог поучиться и смирению, с которым Вилим Христофорович принял отставку, оставшись в армии во главе дивизии. Но самое сильное впечатление на Александра Васильевича, ощущавшего всю его долгую полководческую жизнь, произвёл новый командующий: 61-летний генерал-аншеф Петр Семёнович Салтыков. Этот мудрый старик, тщательно изучавший тактику Фридриха и боевые свойства русских войск под началом Фермора, разительно отличался от военачальников, с которыми был уже знаком молодой Суворов.

* * *

Будьте ж войском так любимы, как Ваш родитель. Будьте так для
Отечества добродетельны и снисходительны до верных его деток.

Суворов сыну Салтыкова

Прибытие Петра Семёновича к войскам прошло без всяких торжеств. В отличие от Апраксина и Фермора он не признавал внешних признаков высокой должности. Офицер

(впоследствии видный учёный) Болотов с изумлением описывал вступление Салтыкова в Кенигсберг: «Старичок седенький, маленький, простенький, в белом ландмилицком кафтане¹³, без всяких дальних украшений и без всех пышностей, ходил он по улицам и не имел за собою более двух или трех человек в последствии. Привыкшим к пышностям и великолепиям в командирах, чудно нам сие и удивительно казалось, и мы не понимали, как такому простенькому и, по всему видимому, ничего незначащему старичку можно быть главным командиром столь великой армии и предводительствовать ею против такого короля, который удивлял всю Европу своим мужеством, проворством и знанием военного искусства. Он казался нам сущей курочкой, и никто и мыслить того не отваживался, чтоб он мог учинить что-нибудь важное. Генерал наш (губернатор Восточной Пруссии Корф. – *Авт.*

---

¹³ Салтыков перед назначением командующим организовывал местные ополчения – ландмилицию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.